

DOI: 10.14515/monitoring.2015.3.02

УДК 316.621(470+571-2):303.62

Правильные ссылки на статью:

Климова С.Г., Щербакова И.В. Опыт изучения территориального контекста гражданского участия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С.12-27.

Klimova S.G., Shcherbakova I.V. The experience of research of the Territorial Context of Civic Engagement // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 3. Pp.12-27

С.Г. КЛИМОВА, И.В. ЩЕРБАКОВА ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
КОНТЕКСТА ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

КЛИМОВА Светлана Гавриловна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия. E-mail: sgklimova@mail.ru.

ЩЕРБАКОВА Ирина Вячеславовна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия. E-mail: irasher@yandex.ru

Аннотация. В статье ставится проблема ограниченности существующих практик и технологий массовых опросов, игнорирующих в формальном статистическом анализе характеристики территорий, где они проводятся. Это приводит к ограниченным интерпретационным возможностям, излишней психологизации выводов, малой пригодности результатов для принятия управленческих решений. Излагаются результаты эксперимента, проведенного авторами, по имплантации в материалы массового опроса статистических данных, характеризующих территориальный контекст социальной активности жителей средних и малых городов. Эксперимент показал, что не все данные статистики, включенные в базу данных опроса, оказались связанными с показателями, характеризующими гражданское участие. Из 14 показателей, включенных в анализ, связь с искомым признаком – гражданским

THE EXPERIENCE OF RESEARCH OF THE
TERRITORIAL CONTEXT OF CIVIC
ENGAGEMENT

KLIMOVA S.G. – PhD. Leading researcher. Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: sgklimova@mail.ru.

SHCHERBAKOVA I.V. – PhD in Sociology. Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. Email: irasher@yandex.ru

Abstract. The article raises the problem of the limitations of existing practices and technologies of mass surveys, which are ignored in the formal statistical analysis of the characteristics of the areas, where they are held. This leads to limited interpretive possibilities, excessive psychologizing conclusions, small fitness results for management decision making. The experiment showed that not all statistics, which were included in the database of the survey, were related to indicators of civic participation. Five indicators among 14, included in the analysis, showed the link with the required sign – civic participation: the size of the town; migration growth / loss; the average monthly salary; accommodation in the area of agglomeration up to 110 km; historical settlements. Authors come to a conclusion, that if experiments, dedicated to searching possible implantation of statistical data in the material mass surveys, were continued,

участием – показали 5: размер населенного пункта; миграционный прирост/убыль; среднемесячная начисленная заработная плата; проживание в зоне агломерации до 110 км; исторические поселения. Делаются выводы о том, что если продолжать эксперименты по поиску возможностей имплантации статистических данных в материалы массовых опросов, стоит поставить задачу по отбору данных, наиболее релевантных исследовательской задаче. Не исключено, что мы обнаружим универсальные признаки, влияющие на настроения и оценки жителей по всем или большинству традиционных для социологических исследований тем, и уникальные признаки, характеризующие только одну какую-то тему. Отбор значимых статистических показателей, разработка технологий их получения и включения в социологический анализ повысит ценность выводов и обобщений, которые делают социологи. Не исключено, что, помимо статистики, в параметры контекста следовало бы включить и нестатистические данные. Например, это могли бы быть характеристики производственной специализации, которые определяют характеристики местных элит, и пр.

Ключевые слова: гражданское участие, массовый опрос, территория, контекст, данные статистики, типология, кластеризация, социальные ресурсы

sociologists would set a task for the selection of data, most relevant research tasks. It is possible, that we will find the universal signs of mood and assess of residents for most of all traditional sociological research themes, and unique signs, characterized only by a certain topic. The selection of relevant statistics, the development of technologies for their production and inclusion in sociological analysis will increase value of conclusions and generalizations that sociologists do. It is also possible that, in addition to statistics, non-statistical data should be included in the region-context parameters. For example, they could be the characteristics of the climate (supplementary work is required to assess the suitability of the existing characteristics of climatic zones for the purposes of sociological analysis); characteristics of industrial specialization that define features of the local elites, and so forth.

Keywords: civic participation, mass survey, region, territory, the context statistics, typology, clustering, social resources

Проблема контекста в интерпретации социологических данных. Идея о том, что необходимо учитывать региональный контекст социальных процессов, находящихся в центре внимания социологов, считается общепризнанной. Исследователи солидарны в том, что многие особенности российского общества определяются спецификой природных и социальных условий регионов/населенных пунктов. Социологи и специалисты по социально-экономической географии говорят о значительной дифференциации территорий по важнейшим показателям социально-экономического развития, во многом определяющим поведение и настроение жителей [Беляева, 2006; Зубаревич, 2011; Пешкова, 2009].

Однако сохраняется базовый недостаток исследований, основу которых составляют массовые опросы, – отсутствие характеристик, позволяющих сравнивать контекст тех или иных мнений и оценок. Полученные данные имеют ограниченные интерпретационные возможности, замкнуты на себя, излишне психологизированы.

Для решения этой проблемы сделаны некоторые важные шаги. В 2009–2011 гг. выполнена программа «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», в которой принимали участие и сотрудники Института социологии РАН. Основные идеи, реализованные социологами – участниками проекта, – выделение структурно-функциональных, институциональных,

социокультурных и ресурсных параметров развития регионов в статическом и динамическом выражении основных критериев: региональной дифференциации и интеграции в качестве жизни и в инновационном развитии [Маркин, 2009].

Предполагалось, что будут созданы универсальные критерии оценки деятельности местных органов власти и местного самоуправления, а показатели социально-экономического развития будут размещаться на сайтах региональных и местных органов власти. Однако и сейчас социологи, которые хотели бы анализировать социальные проблемы с учетом региональных различий, оказываются вне контекста. Информация о городах, размещенная на их сайтах, фрагментарна, случайна и в большинстве случаев устарела.

Характеристики контекста часто мобилизуются в том случае, когда проводится монографическое исследование (в жанре кейс-стади) в определенном населенном пункте [Димке, Корюхина, 2013]. Но эти характеристики, как правило, описательные (неформализованные), представлены в произвольном наборе, что затрудняет сравнение выбранного для анализа случая с другими.

Сейчас для анализа территориального контекста в исследованиях, использующих массовые опросы по общероссийским выборкам, как правило, используется только один стандартный показатель территориального контекста – величина населенного пункта, но его недостаточно для объяснения данных об особенностях социальных процессов в разных регионах. Дело в том, что типология населенных пунктов по численности проживающих в них граждан возникла в советское время в рамках программ по централизованному нормативному снабжению городов и сел. Встроенная в советскую централизованную систему управления иерархия городов по численности населения «усилила контрасты, выражающие вертикальную неоднородность геокультурного пространства» [Стрелецкий, 2011: 171]. Вертикальная неоднородность дополняется горизонтальной – различиями в уровне социально-экономического развития, качестве человеческого капитала, развитости инфраструктуры и пр. между населенными пунктами, одинаковыми по численности населения [Нефедова, 2011: 280–298].

Аналитическую информацию, характеризующую социально-экономические условия, можно получить из статистических сборников, издаваемых Росстатом лишь для городов численностью свыше 100 тыс. чел. [Регионы...]. В этих сборниках могут отсутствовать необходимые полнота и детализация. Тем не менее это наиболее доступные и удобные для статистического анализа источники.

Имплантировать статистические характеристики территорий в базы данных социологических опросов можно, но это увеличивает сроки проведения исследования и удорожает его. Кроме того, характеристик территорий много. Какие из них выбрать, чтобы они, во-первых, были адекватны задаче и, во-вторых, не требовали для своего получения ресурсов, сопоставимых с затратами на основное исследование? На эти вопросы мы были вынуждены искать ответы, когда стали исследовать гражданское участие в городах России.

Исходное концептуальное представление об объекте исследования и характеристики территориального контекста. Объект нашего исследования – гражданское участие в малых и средних городах России. Предмет – территориальные детерминанты этого участия.

В рамках проекта понятие «гражданское участие» определялось как «индивидуальная или коллективная деятельность, направленная на решение проблем части или всего населения города. Эта деятельность совершается по свободному выбору гражданина и ориентирована на общественно значимую цель» [Условия...]. Гражданское участие оформляется идеологически на основе общих принципов общения (в нашем исследовании – уровень доверия к окружающим, уровень социальной ответственности, уровень социальной

сплоченности). Территориальным контекстом мы называем совокупность специфических социально-экономических характеристик зоны проживания респондента. При этом зона проживания понимается в узком (конкретный населенный пункт – точка опроса) и в широком значениях (в нашем случае – регион).

Решение попытаться связать гражданское участие с характеристиками регионального контекста окрепло после знакомства с многочисленными свидетельствами того, что социальная активность жителей часто определяется желанием решить именно местные, локальные проблемы [Ресурсы...: 36–41]. Наши наблюдения подтверждают и выводы российских специалистов по социально-экономической географии. Они говорят, в частности, о ренессансе регионального самосознания в разных частях России. Этот процесс поставил под сомнение концепцию аспатиальности русской культуры (автор – Л.В. Смирнягин). Аспатиальность – это пониженная реакция на фактор географического пространства – расстояние, границу и местность [Стрелецкий, 2011: 171]. В.Н. Стрелецкий, критикуя эту концепцию, говорит о возрождении горизонтальных связей, цементирующих территориальные общности людей, и о все более заметном осознании региональных интересов местным населением. Примечательно наблюдение, сделанное В.Н. Стрелецким, о том, что лозунги отстаивания особых региональных интересов были взяты на вооружение местными властями и местными элитными группами [Стрелецкий, 2011: 172–173]. Это редкий по нынешним временам консенсус между населением и элитами – группами традиционной контридентификации. Наши данные фиксируют парадоксальный, казалось бы, феномен: активисты, обычно критикующие власти всех ветвей и уровней, статистически чаще, чем жители в среднем, выказывают удовлетворенность работой местных властей и готовность сотрудничать с ними. Основание этой готовности – надежды на согласованность интересов, касающихся развития территории [Климова, 2015].

Эти обстоятельства определили цель анализа – проверить гипотезу о наличии связи между сконструированными типами социального поведения (в нашем случае – типами гражданского участия) и статистическими социально-экономическими характеристиками территорий проживания респондентов.

Мы предполагаем, что существует ряд контекстных обстоятельств, предопределяющих различия российских городов (малых и средних) по степени актуального и потенциального гражданского участия. В частности:

Гипотеза 1. Существует прямая связь между ресурсным потенциалом жителей и гражданским участием. Чем выше ресурсный потенциал жителей (определяемый в первую очередь материальным благополучием и образованием), тем интенсивнее актуальное и потенциальное гражданское участие.

Ресурсные параметры (прежде всего материальное положение, возраст и образование) показывают хорошие дискриминирующие возможности, и потому социологи их используют всегда, когда анализируют данные массовых опросов. Но включать параметры ресурсного потенциала жителей как характеристики территориального контекста – особая задача. Российские специалисты по социально-экономической географии упоминают уровень доходов (бедности) и уровень образования и квалификации занятых в числе важнейших дифференцирующих критериев для оценки социально-экономического развития городов России [Зубаревич, 2011: 53, 57]. Они характеризуют рынок труда, и потому являются внесубъектными, т.е. описывающими территорию, а не респондентов. Мы используем признак «зарплата» – среднемесячная номинальная начисленная зарплата (СННЗ) для

городов с населением от 100 тыс. человек (руб., Росстат, 2011). Населенные пункты разделены на 2 категории по размеру СННЗ: 1 – до 23 000 руб., 2 – свыше 23 000 руб.

А.И. Трейвиш предлагает более точный признак – средняя зарплата работников, отнесенная к прожиточному минимуму [Трейвиш, 2011: 77]. Мы не смогли им воспользоваться из-за того, что показатель прожиточного минимума (как и другие) оказалось затруднительно получить по многим попавшим в выборку городам.

Гипотеза 2. Гражданское участие прямо связано с ресурсами развития территории (прежде всего социально-экономическими). Такими ресурсами являются:

Уровень развития производства, который в статистике описывается показателем ВРП – валовой региональный продукт на душу населения (руб. на чел., Росстат, 2012).

Мы сделали две группировки для нашего анализа по размеру ВРП. Первая – до 300 000 руб. и свыше 300 000 руб. Вторая – до 340 000 руб. и свыше 340 000 р. Но обе не работают для интересующего нас признака – гражданского участия жителей. Возможная причина – в масштабе этого показателя – он составлен для всего края или области. Более корректным, наверное, был бы показатель абсолютного значения ВРП для конкретного города либо его доля в региональном. Но получить такие показатели для городов, попавших в выборку, нам не удалось.

Гипотеза 3. Существует прямая связь между наличием общей для многих жителей социальной инфраструктуры города и интенсивностью личностных и функциональных контактов. В свою очередь, личностные и функциональные контакты предполагают более или менее интенсивное общение, в ходе которого формируются солидарные практики.

Развитость социальной инфраструктуры города во многом определяется его функциональными характеристиками. Концепция Федеральной целевой программы социального и экономического развития малых и средних городов Российской Федерации на 2009–2012 гг. и до 2017 г. предлагает деление малых и средних городов на типологические группы, в частности в зависимости от некоторых функциональных типологических критериев [Концепция...].

Для характеристики функциональных особенностей города мы взяли следующие признаки, которые можно найти в статистических сборниках и на сайтах городов:

- «Столица субъекта РФ» – наличие статуса. Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- «Агломерация» – расстояние в км до ближайшей столицы субъекта РФ. Населенные пункты разделены на 2 категории по мере удаленности от областного центра: 1 – зона агломерации до 110 км от областного центра, 2 – удаленность свыше 111 км.
- «Городское поселение внутри муниципального района» – наличие статуса (противоположность городскому округу, Росстат, 2013). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- «Центр городского поселения внутри муниципального района» (Росстат, 2013). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- «Количество поселений» – количество поселений, в том числе сельских, входящих в состав муниципального образования (объекта местного самоуправления) (Росстат, 2013)

- «Городской округ» – наличие статуса (Росстат, 2013). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- Наукоград (ФЗ «О статусе наукограда», 2008). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- Моногород (Приказ Минэкономразвития, перечень по состоянию на 26.07.2013). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».
- Историческое поселение (приложение к Федеральной целевой программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 гг.)», 2002). Наличие статуса закодировано «1», отсутствие «0».

Гипотеза 4. Существует прямая связь между демографическим потенциалом поселения (численность, плотность, естественный и миграционный прирост/убыль) и солидарными практиками. Демографический потенциал специалисты считают важным критерием для оценки социально-экономического состояния городов. В контексте нашей задачи мы предположили, что рассредоточенность населения, характерная, например, для таких административных образований, как городской округ, в который входит несколько «естественных» поселений, мало способствует солидарным практикам.

Демографические характеристики города в нашем исследовании описываются следующими признаками:

- «Численность» – численность городского населения и ПГТ (чел., Росстат, 2013). Населенные пункты разделены на 4 категории по численности: 1 – от 250 до 100 тыс.; 2 – от 100 до 50 тыс.; 3 – малые города до 50 тыс.; 4 – поселки городского типа.
- Эта группировка соответствует классификации городов по численности (крупнейшие, крупные, средние, малые), определенной в Своде правил (СП 42.13330.2011) [Свод...].
- «Плотность» – плотность городского населения (количество человек на км², Росстат, 2012). Населенные пункты разделены на 3 категории по плотности населения: 1 – до 700 человек на км², 2 – от 700 до 1600 человек на км²; 3 – свыше 1600 человек на км².
- «Миграция» – миграционный прирост/убыль для городов от 100 тыс. населения (чел., Росстат, 2011).

В соответствии с этими гипотезами задачи исследования мы сформулировали так:

- 1 Определить содержание и характер (сила, устойчивость) взаимосвязей между гражданским участием и характеристиками поселений, попавших в выборку.
- 2 Выявить степень их выраженности в типах гражданского участия.

Эмпирическая база исследования – данные статистики; результаты социально значимого проекта «Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России», реализованного Фондом «Общественное мнение» совместно с привлеченными исследователями, включая авторов статьи; добавленные переменные, значения которых приняты за показатели гражданской активности населения в зависимости от вышеперечисленных характеристик территории проживания.

Параметры выборки. Репрезентативный опрос 1500 жителей городов с населением менее 250 тыс. человек и ПГТ 18 лет и старше в режиме Face-To-Face. 17 февраля – 3 марта 2014 г. 51 субъект РФ. Статистическая погрешность не превышает 3,8%.

Таблица 1 Доли опрошенных в городских населенных пунктах

Тип населенного пункта, где живет респондент	%	Частота
Город с населением от 100 до 250 тыс.	27	401
Город с населением от 50 до 100 тыс.	21	316
Город с населением менее 50 тыс.	39	591
Поселок городского типа	13	192
Всего:	100	1500

Типы гражданского участия в провинциальных городах. Для типологии гражданского участия мы использовали 3 группы признаков, включенных в массовый опрос ФОМ, которые позволяют описать некоторые характеристики гражданского участия:

- 1 Реальное участие в общегородских делах как формально-институциональное (членство в общественной организации), так и неформальное (безвозмездная помощь незнакомым людям).
- 2 Потенциальное участие (готовность работать вместе с другими, предоставить свои организационные и материальные ресурсы для решения общегородских проблем).
- 3 Самоидентификации в качестве гражданина, готового объединяться с другими для защиты своих прав.

Применение кластерного анализа (метод двухшагового кластерного анализа) позволяет сформировать однородные группы (сгущения) в пространстве исходных бинарных признаков. Отыскивали сочетания ответов (ответы «да» или «нет» на вопросы, взятые для построения типологии), наиболее характерные для составляющих кластер респондентов. Мы смогли классифицировать каждый случай и проверить наличие взаимосвязи кластеров и перечисленных выше характеристик городов.

Результаты кластеризации позволили выделить 4 типа гражданского участия, сформированных на основе различных вариантов общественно значимого поведения (табл. 2). Строго говоря, это 3 типа участия и 1 тип с доминированием неучастия. Ни один из них не является чистым; ниже представлены наиболее распространенные признаки каждого.

Характерный признак для респондентов, отнесенных к кластеру с условным названием «апатичные граждане» (объем кластера – 26%), – это полное отсутствие помогающего поведения по отношению к незнакомым людям (либо вербальная демонстрация отсутствия такого поведения). Существенно меньше, чем в других кластерах, здесь тех, кто предпочитает формально не состоять в общественных организациях (и не нуждаются в такого рода знакомствах), а также не участвовать в общественных делах.

Таблица 2 Типы гражданской активности по уровню участия, содержанию установок и деятельности в провинциальных городах (N=1500)

	Кластер 1 «апатичные» граждане	Кластер 2 «индивидуа- листы»	Кластер 3 «организа- торы»	Кластер 4 «активные исполнител и»
Объем кластера (% от числа опрошенных)	26	22	16	36
Составляющие кластеров, % по строке				
Действия				
Члены общественных организаций	4	11	41	44
Не члены общественных организаций	29	24	13	34
Помогали кому-либо безвозмездно за последний год	0	30	20	50
Не помогали кому-либо безвозмездно за последний год	97	0	3	0
Участвовали в общественных делах за последние год-два	9	19	23	49
Не участвовали в общественных делах за последние год-два	28	24	15	33
Готовности				
Готовы объединяться с другими для защиты своих прав	15	0	21	64
Не готовы объединяться с другими для защиты своих прав	40	51	9	0
Готовы участвовать в подготовке и организации акции по сбору средств для пострадавших в чрезвычайном происшествии	11	7	64	18
Готовы участвовать в проведении акции по сбору средств для пострадавших в чрезвычайном происшествии	17	18	22	43
Готовы пожертвовать деньги для проведения акции по сбору средств для пострадавших в чрезвычайном происшествии	17	25	14	44
Готовы участвовать в подготовке и организации акции по сбору мусора в лесопарковой зоне с соседями	12	4	72	12
Готовы участвовать в проведении акции по сбору мусора в лесопарковой зоне с соседями	17	21	15	47
Готовы пожертвовать деньги для проведения акции по сбору мусора в лесопарковой зоне по предложению соседей	14	21	28	37
Готовы участвовать в подготовке и организации акции протеста против фальсификации результатов голосования в своем городе	5	5	71	19
Готовы участвовать в проведении акции протеста против фальсификации результатов голосования в своем городе	13	11	21	55
Готовы пожертвовать деньги для проведения акции протеста против фальсификации результатов голосования в своем городе	21	15	41	23

Если говорить о готовностях к социальной активности разного рода, здесь примечательно доминирующее отрицательное отношение к возможности объединения с другими ради защиты своих прав. Но «апатичные граждане» не так безразличны к общественной и, особенно, политической жизни, как это может показаться. Показательно

сочетание крайне малой доли готовых участвовать в подготовке и организации акции протеста против фальсификации результатов голосования в своем городе, притом что готовых пожертвовать деньги на проведение таких акций довольно много (21%), почти столько же, сколько среди «активных исполнителей» (23%). Сравнительно часто «апатичные граждане» готовы пожертвовать деньги для пострадавших в чрезвычайном происшествии (17%). Это даже большая доля, чем в кластере «организаторов» (14%). Таким образом, доминанта позиции «апатичных граждан» – отсутствие деятельных установок на участие в общественных делах, притом что значимость этих дел, по-видимому, присутствует. Свидетельство тому – готовность давать деньги в некоторых случаях (по сути: «Возьмите деньги и не тревожьте меня»).

По сочетанию признаков наиболее близки к «апатичным гражданам» те, кого мы условно обозначили как «индивидуалисты» (объем кластера – 22%). Главный отличительный признак этого кластера – отсутствие людей, готовых объединяться с другими для защиты своих прав. Представители кластера редко интересуются членством в общественных организациях, с которыми, очевидно, связывают и участие в общественных делах, тоже довольно слабо выраженное. Вместе с тем здесь довольно много тех, кто помогал кому-либо безвозмездно за последний год (30%). Это большая доля, чем даже в кластере «организаторов» (20%). Напомним, что «апатичные граждане» совсем никому не помогают. Что касается готовности к общественной активности разного рода, здесь «индивидуалисты» похожи на «апатичных граждан» в наибольшей степени. Несколько чаще «апатичных граждан» они лишь дадут деньги, если случится чрезвычайное происшествие или экологическое загрязнение. Таким образом, «индивидуалистам» не чужды гражданские интересы и сочувствие окружающим, если те попали в беду. Но они в подавляющем большинстве не хотят «ходить строем», быть членами какого-то сообщества.

Третий кластер – «организаторы» – наименьший по объему (16%), позволяет составить достаточно четкий портрет своих представителей: это потенциальные организаторы общественной работы в провинциальных городах. Именно организаторы, а не участники. Членов общественных организаций здесь примерно столько же, сколько и в четвертом кластере, среди «активных исполнителей» (41 и 44% соответственно), но тех, кто участвовал в общественных делах за последние год-два, среди «организаторов» примерно вдвое меньше, чем среди «активных исполнителей». А тех, кто помогал кому-либо безвозмездно за последний год, в 2,5 раза меньше (20 и 50% соответственно). «Организаторами» представители этого кластера названы не потому, что в него вошли руководители общественных организаций, а потому что они демонстрируют вербальную готовность участвовать в подготовке различных социально значимых мероприятий, в том числе протестного характера, предполагающих включенность в соответствующее коммуникационное поле на ведущих ролях.

Четвертый кластер – «активные исполнители» (36%). Их отличительные черты – чаще встречающееся (по сравнению со всеми другими кластерами) членство в общественных организациях, помогающее поведение, участие в общественных делах. Готовность объединяться для защиты своих прав, участвовать в проведении акции по сбору средств для пострадавших в чрезвычайном происшествии и пожертвовать деньги на эти цели. Большая часть «активных исполнителей» могут ответить личной включенностью и материальной поддержкой в проективных ситуациях помощи при уборке мусора, а при проективной фальсификации выборов большинство предполагает свое непосредственное участие в акции протеста. Представители четвертого кластера – реальные кандидаты на действенное гражданское участие в обследованных городах.

Взаимосвязь типов гражданского участия и особенностей расселения респондентов. Сразу следует сказать, что не все характеристики городов, взятые для анализа, оказались связаны с выявленными типами гражданского участия. Возможно, такой связи нет вообще, а возможно, сказывается то, что выборка для проведения исследования строилась только по одному признаку – размеру города. В таблице 3 приведены данные, характеризующие расселение, которые статистически связаны с выявленными типами гражданского участия (на основе расчета коэффициента корреляции Пирсона).

Таблица 3 Связь между типами гражданского участия и особенностями расселения респондентов (вся выборка, N=1500)

		Кластер 1 «апатичные» граждане	Кластер 2 «индивидуалисты»	Кластер 3 «организаторы»	Кластер 4 «активные исполнители»
Объем кластера (% от числа опрошенных)		26	22	16	36
Города с населением 50–100 тыс. чел.	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,05129	-0,04152	-0,03914	0,112047
	Sig.(2-tailed)	0,047014	0,107979	0,129717	1,36E-05
Проживание в зоне агломерации до 110 км	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,08123	-0,06543	0,101619	0,053358
	Sig.(2-tailed)	0,001641	0,011254	8,06E-05	0,038799
Исторические поселения	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,11556	0,115564		
	Sig.(2-tailed)	7,22E-06	7,22E-06		
Корреляция значима на уровне 0,01.					

Размер поселения. Тип респондентов, названный «активные исполнители», чаще других встречаются в городах с населением от 50 до 100 тыс. человек (средние города по общепринятой классификации). В нашем исследовании наиболее яркие примеры таких городов – это точки опроса, в которых наблюдается наибольшая доля «активных исполнителей». Это в частности Ревда (Свердловская область), Георгиевск (Ставропольский край), Избербаш (Дагестан), Лиски (Воронежская область), Егорьевск (Московская область).

Напомним, что «активные исполнители» – это люди, отличающиеся включенностью в общественную активность в неинституциональных и, реже, институциональных формах, сравнительно большей распространенностью среди них практик помогающего поведения. Возможно, неинституциональная деятельность стимулируется нерешенностью локальных проблем и основывается главным образом на неформальных связях (соседских, дружеских). Это вынужденное участие, как правило, сопровождается недовольством работой городских властей, но вместе с тем формирует ощущение ответственности за положение дел в городе, местный патриотизм и повышает самооценку.

В средних городах больше социально-психологических предпосылок гражданского участия, поскольку здесь люди чаще, чем в больших городах и в мегаполисах, знакомы друг с другом, и общественная активность формируется в уже сложившихся сообществах. Сообщества участвующих в общественных делах преимущественно формируются посредством горизонтальных связей – через лично знакомых людей: соседей, друзей. Центрами формирования сообществ, помимо контактных групп лично знакомых людей, становятся различные общественные структуры: политические партии, НКО, депутатские группы. Этим средние города отличаются от малых и поселков городского типа. В последних

фиксируется слабая активность даже в такой форме социальности, как помогающее поведение, что свидетельствует о крайних формах распада социальной ткани в этих поселениях.

Проживание в зоне агломерации до 110 км. Зафиксирована связь проживания в зоне агломераций до 110 км от областного или краевого центра с распространенностью типа гражданского участия, названного нами «организаторы». Напомним, это люди, отличающиеся более выраженной готовностью участвовать в подготовке, организации и финансировании протестных акций. Вместе с тем их реальное участие в общественных делах и помогающее поведение ниже, чем у «активных исполнителей». Характер связи этого типа гражданского участия с проживанием в зоне агломерации не очевиден. Возможно, здесь играет роль сравнение ситуации в своем поселении с другими, с положением дел в других, более благополучных городах. Это сравнение формирует неудовлетворенность и установки на перемены, которые, однако, не всегда превращаются в реальное действие. Но в целом проживание в зоне агломераций с ускоренными темпами развития способствует экономической и социальной активности населения. Этот факт отмечает, в частности, Н. Зубаревич [Зубаревич, 2011: 56–57].

Исторические поселения. Связь признака «исторические поселения» оказалась заметной только в том случае, когда мы слили второй, третий и четвертый кластеры («индивидуалисты», «активные исполнители», «организаторы») и сравнили этот слитый кластер с первым («апатичные граждане»). Обнаружилось, что эти, в целом более активные, граждане чаще проживают в исторических поселениях. Мы предполагаем, что связь статуса «историческое поселение» с социальной активностью жителей неоднозначна. В перечни исторических поселений, которыми мы пользовались, включены и динамично развивающиеся, становящиеся центрами развития индустрии туризма города и деградирующие поселения. В первых реализуется запрос на инициативу, стимулирующий интерес к локальным особенностям города, его истории, потребность в интеграции, которая формируется вокруг общего дела (как, например, в Коломне). В других исторических поселениях действует противоположная тенденция – слабое экономическое развитие города, отсутствие креативных идей и групп, способных не только дать населению новые рабочие места, но и изменить образ жизни, сформировать позитивную локальную идентичность, новые ценности.

Мы предполагаем, что относительно высокий уровень гражданской активности местного сообщества чаще проявляется в таких типах исторических поселений, как:

- 1 поселения, входящие в зону крупных агломераций;
- 2 относительно удаленные от регионального центра поселения, имеющие экономически успешные промышленные предприятия, благоприятный инвестиционный климат.

Низкий уровень гражданской активности местного сообщества чаще проявляется в двух типах неисторических поселений:

- 1 поселения кавказского и соседних с ним регионов с неблагоприятным инвестиционным климатом;
- 2 ныне не модернизируемые или исчерпавшие природные ресурсы старые промышленные центры Урала, Дальнего Востока, развитие которых было

стимулировано примерно в XVII в. частным капиталом и с 1920–1930-х гг. государственными ресурсами (особенно период индустриализации).

Мы не располагаем общедоступными статистическими данными по уровню миграции и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы для городов и ПГТ с населением менее 100 тыс. человек, поэтому некоторые другие характеристики поселений сделаны только для городов с численностью населения от 100 до 250 тыс. (табл. 4).

Миграция. Признак «миграционный прирост» оказался значимым для появления типа «активные исполнители», т.е. для проявлений реальной социальной активности. Вместе с тем реже встречаются «апатичные граждане» в городах с миграционным приростом, но чаще в городах с миграционной убылью. Этот признак значим как опосредованное свидетельство привлекательности поселения как места жизни (природные и климатические условия, экологическое состояние) и места приложения труда. Можно предположить, что привлекательное для жизни и работы поселение стимулирует желание граждан сообща решать локальные проблемы.

Таблица 4 Связь между типами гражданского участия и особенностями расселения респондентов в городах с населением от 100 тыс. человек (N=401)

		Кластер 1 «апатичные» граждане	Кластер 2 «индивиду- листы»	Кластер 3 «организа- торы»	Кластер 4 «активные исполнители»
Города с миграционным приростом	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,18862	-0,01474	0,058188	0,14126
	Sig.(2-tailed)	0,000145	0,768527	0,245006	0,004595
Города с миграционной убылью	Коэффициент корреляции Пирсона	0,188624	0,014742	-0,05819	-0,14126
	Sig.(2-tailed)	0,000145	0,768527	0,245006	0,004595
СННЗ до 23000 р. на человека по области (краю)	Коэффициент корреляции Пирсона	0,271901	-0,01162	0,066411	-0,29706
	Sig.(2-tailed)	3,16E-08	0,816597	0,184443	1,3E-09
СННЗ от 23001 р. на человека по области (краю)	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,2719	0,011618	-0,06641	0,297056
	Sig.(2-tailed)	3,16E-08	0,816597	0,184443	1,3E-09
Корреляция значима на уровне 0,01.					

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата. «Активные исполнители» чаще проявляют себя при относительно высоком уровне СННЗ, т.е. в относительно экономически благополучных условиях. Относительно неблагополучные города – это зоны гражданской пассивности: «апатичные» граждане преобладают в городах со сравнительно низкой СННЗ.

Признак «СННЗ» мы можем дополнить данными опроса, подтверждающими прямую связь индивидуальных ресурсов с признаками гражданского участия.

Среди «апатичных граждан» преобладают представители так называемых экономически низкоресурсных групп. Это люди с невысокими доходами и расходами («денег

не хватает даже на питание», «на питание денег хватает, но одежду, обувь купить не можем»), с образованием не выше среднего и пожилые. «Активные исполнители» отличаются низкой долей бедных и пожилых. У «индивидуалистов» и «организаторов» социально-демографические **признаки** не выражены, т.е. не имеют статистической значимости (табл. 5).

Таблица 5 Связь между типами гражданского участия и социально-демографическими особенностями респондентов (N=1500)

		Кластер 1 «апатичные» граждане	Кластер 2 «индивиду- листы»	Кластер 3 «организа- торы»	Кластер 4 «активные исполнители»
Самые бедные	Коэффициент корреляции Пирсона	0,146229	0,06163	-0,07308	-0,13084
	Sig.(2-tailed)	1,28E-08	0,016977	0,004631	3,67E-07
Средний достаток	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,07835	-0,0397	0,024778	0,086733
	Sig.(2-tailed)	0,002393	0,124343	0,337563	0,000772
Состоятельные	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,13196	-0,04185	0,095578	0,083802
	Sig.(2-tailed)	2,91E-07	0,105161	0,00021	0,00116
Образование: среднее и ниже	Коэффициент корреляции Пирсона	0,11613	0,024875	-0,09848	-0,05259
	Sig.(2-tailed)	6,51E-06	0,335677	0,000133	0,041713
Образование: высшее и др.	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,13054	0,019982	0,059835	0,056325
	Sig.(2-tailed)	3,91E-07	0,439331	0,020474	0,029156
Старше 60	Коэффициент корреляции Пирсона	0,198478	0,092883	-0,12011	-0,16971
	Sig.(2-tailed)	8,63E-15	0,000316	3,09E-06	3,71E-11
Корреляция значима на уровне 0,01					

Выводы

- 1 Из всех включенных в гипотезы характеристик поселений значимыми оказались размер поселения, проживание в зоне агломерации, принадлежность к типу «исторические поселения», миграция и СННЗ. Тот факт, что большая часть признаков, включенных нами в число характеристик регионального контекста гражданского участия, оказалась статистически не значимой, еще не означает, что такой связи нет. Решение нашей задачи затруднялось отсутствием достоверных и свежих данных, особенно по средним и малым городам с населением менее 100 тыс. человек. Их можно было бы получать на сайтах поселений, попавших в выборку, но эти данные, как правило, неполные, устаревшие, представленные в произвольном наборе.

2. Использование стандартных инструментов статистического социологического анализа для решения задач, аналогичных нашей, затрудняется сложностями построения выборки относительно выделенных переменных. Сейчас стандартные выборки для массовых опросов строятся с учетом только одного параметра – размер населенного пункта. Учет других параметров для построения выборок – отдельная задача, требующая дополнительных экспериментов. Наш поиск связей между типом поселения и характеристиками гражданского участия был обусловлен тем, что анализ данных (в том числе не только массовых опросов, но и фокус-групп, интервью) показал ориентацию значительной части активистов на решение локальных проблем. Но гражданская активность все-таки не массовое явление. Другие социальные процессы, тоже, несомненно, связанные с особенностями локального контекста (например, идентичность, трудовое поведение, потенциальная миграция и др.), возможно, дали бы более выразительные характеристики и связи этих процессов с особенностями расселения. Было бы полезно провести эксперименты по выявлению этих связей.
3. Полученные данные позволяют сделать несколько гипотетических выводов о территориальных особенностях гражданского участия. На наш взгляд, они определяются не только размером города, но и его функциональными признаками, а значит, характеристиками населения, в первую очередь характеристиками элит, способных создавать сообщество вокруг решения общих проблем (например, в городе – центре сельскохозяйственного производства – объединения сельхозпроизводителей, в наукоградах – научные сообщества; в центрах туризма и отдыха – профессионалы, занятые сохранением культурного наследия и развития туристического бизнеса). Местные элиты формируют повестку дня: предлагают свое видение проблемы, способы решения, мобилизуют ресурсы и сторонников.
4. Относительно низкие значения коэффициентов корреляции Пирсона означают, что полученные результаты нуждаются в дополнительной проверке. В частности важно выявить доминирующую переменную из числа характеристик городов с точки зрения силы влияния на гражданское участие.
5. Сейчас кластеры гражданского участия представлены в общем виде – для всей совокупности городов. Возможно, что для некоторой группы городов (или групп) такое распределение кластеров вовсе не характерно или проявляется частично. Техническая задача заключается в поиске новых комбинаций по переменным «характеристики города» и кластеры «гражданское участие».
6. Для того чтобы сделать технологичной работу по имплантации статистики в базы данных массовых опросов, нужно выполнить довольно большую подготовительную работу. В частности нужно провести серию экспериментов по выявлению связи статистических данных с исследуемыми социальными феноменами. Не исключено, что некоторые статистические данные будут универсальными (т.е. связанными с большинством изучаемых феноменов), а некоторые уникальными, связанными только с некоторыми.
7. Работа по имплантации статистических данных в материалы массовых опросов расширит их интерпретационные возможности, сделает более пригодными для принятия управленческих решений, поскольку сместит акцент выводов с социально-психологических параметров на параметры ситуации.
8. Имело бы смысл провести серию экспериментов по имплантации нестатистических данных, характеризующих территориальный контекст

(например, характеристики климата, производственной специализации, местных элит) с тем, чтобы выявить их возможное влияние на социальные процессы.

Литература

- 1 Беляева Л.А. Региональная и поселенческая разнородность уровня жизни населения России // Мир России. 2006. Т. XV. № 2. С. 42–61.
- 2 Димке Д., Корюхина И. Поселок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества // Социология власти. 2013. № 3. С. 73–93.
- 3 Зубаревич Н.В. Динамика и глубина региональных социально-экономических контрастов // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. М.: Институт географии РАН, 2011. С. 48–64.
- 4 Климова С.Г., Климов И.А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 5.
- 5 Концепция «Федеральной целевой программы социального и экономического развития малых и средних городов Российской Федерации на 2009–2012 гг. и до 2017 г.» URL: <http://smgrf.ru/kontseptsiya-federalnoj-tselevoj-programmy-sotsialnogo-i-ekonomicheskogo-razvitiya-malyh-i-srednih-gorodov-rossijskoj-federatsii-do-2017/> [Дата обращения: 18.09.2013]
- 6 Маркин В.В., Нелюбин А.А. Социальное моделирование пространственных трансформаций. Мониторинг региональных органов власти // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8 / Отв. Ред. М.К. Горшков. М.: ИС РАН, 2009. С. 76–90.
- 7 Нефедова Т.Г. Поляризация городов и сельской местности и расширение Российской периферии // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под ред. С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер. М.: Институт географии РАН, 2011. С. 280–298.
- 8 Пешкова В. Гражданские основы государственности и этнокультурное разнообразие современной России // Власть. 2009. № 3. С. 30–34.
- 9 Ресурсы добровольческого движения. Аналитический доклад по результатам исследования Фонда «Общественное мнение» / Ред. С.Г. Климова, Е.С. Петренко. М.: ФОМ. URL: http://soc.fom.ru/uploads/files/broshura_resursy.pdf.
- 10 Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. URL: <http://www.gks.ru>.
- 11 Стрелецкий В.Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственной структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под ред. С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер. Институт географии РАН. М., 2011.
- 12 Свод правил. СП 42.13330.2011. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89. Издание официальное. М., 2011. С. 2. URL: <http://www.minregion.ru/uploads/attachment/documents/2011/05/300511-s-15.pdf>.
- 13 Трейвиш А.И. Региональные постиндустриальные процесс и реиндустриализация регионов // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. М.: Институт географии РАН, 2011.

- 14 Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России. Итоговый отчет по проекту. URL: http://soc.fom.ru/uploads/files/ISEPI_full.pdf.